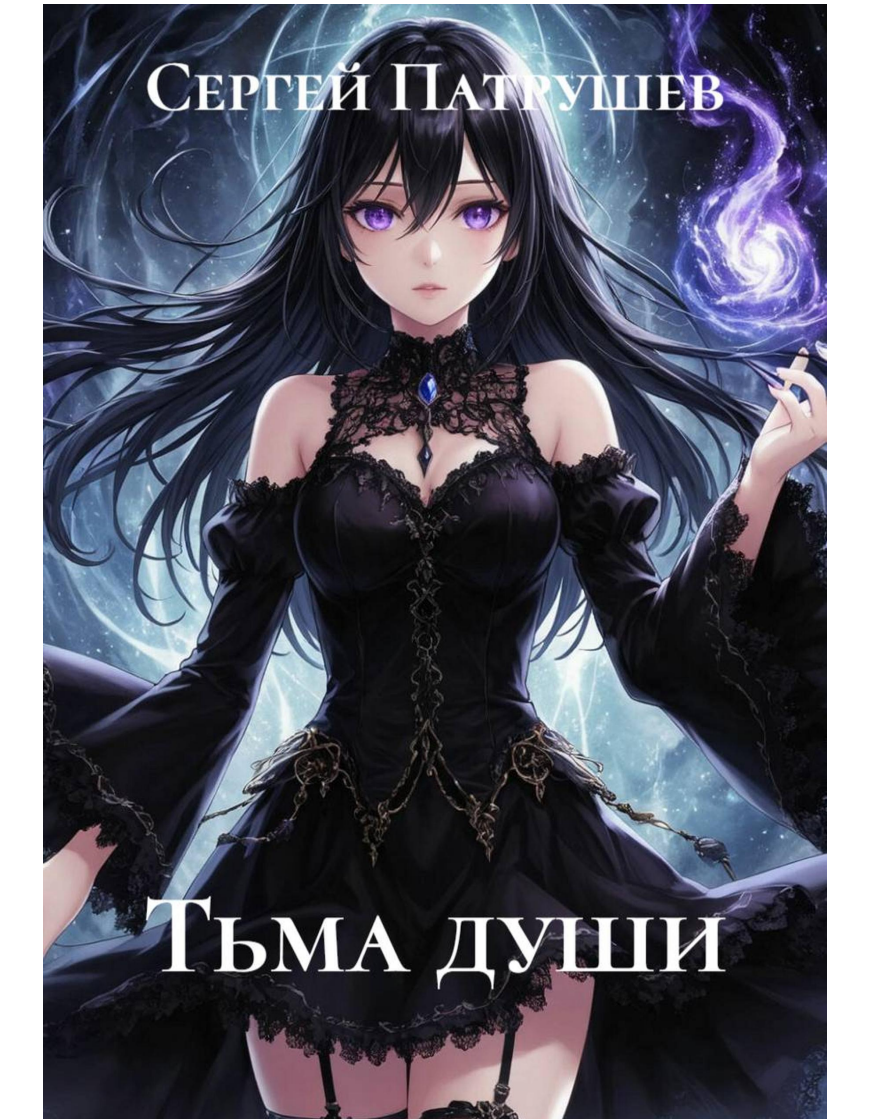

An anime-style illustration of a young woman with long, flowing black hair and striking purple eyes. She is wearing a black, off-the-shoulder gothic-style dress with lace detailing and a blue gem at the collar. Her hair is blowing in the wind. The background is a dark, cosmic space with a large, glowing blue and white nebula on the left and a swirling purple and white nebula on the right. The overall mood is mysterious and ethereal.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ТЬМА ДУШИ

Сергей Патрушев

Тьма души

<https://litres.ru/74462478>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мрачном мире стимпанка и некро-готики, где Гильдия расследователей балансирует на грани науки и запретной магии, Белла регистратор с фальшивым свидетельством о смерти проходит путь от сломленного инструмента до богоподобного Архитектора ужаса.

Одержимая осколком древней Звезды Ночи, она учится контролировать свою трансформацию под руководством Декона — древнего Принципа Порядка. Вместе они ведут опасную игру: скрывают свою природу от Инквизиции, переворачивают моральные устои столицы и превращают эстетику смерти в главную моду сезона.

Это история не просто о выживании, а об обретении власти через красоту распада. От ледяных камер пыток до бальных залов аристократии, Белла доказывает, что истинный ужас вызывает не жестокость, а элегантность, с которой правила игры меняются одним щелчком пальцев. Когда Хаос встречается со строгим Порядком, рождается новая легенда Столицы.

Содержание

Пролог. Чернила на коже.	4
Глава 1. Холодное утро	16
Гл	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Патрушев

Тьма души

Пролог. Чернила на коже.

Холод был первым, что она почувствовала. Он не пришел извне с промозглым сквозняком из щелей разошедшей оконной рамы Гильдейского общежития. Он родился прямо под грудной костью, там, где у нормальных людей трепещет теплое сердце, и медленно пополз по венам густой, тяжелой ртутью. Белла распахнула глаза в абсолютной темноте своей каморки на чердаке. Сердце молчало.

Она села на узкой койке, подтянув колени к груди, и обхватила их ледяными пальцами. Простыни под ней были мокрыми от пота, но сама кожа казалась выточенной из мрамора. Сон — если это можно было назвать сном — висел перед внутренним взором пугающе четким полотном. Она снова стояла посреди Пепельной пустоши за Старым валом, где гильдия сжигала зачумленные трупы десять лет назад. Небо там всегда цвета старой кости, а земля хрустит под ногами, как сухое стекло. Во сне над пустошью шел черный снег. Каждая снежинка была идеально ровным шестиугольником, и когда они касались ее лица, то не таяли, а впивались в плоть тысячей микроскопических игл. А потом из пепель-

ных дюн поднимался тот, кого в отчетах следователи называли «Резчиком». У него не было лица, только гладкий овал обсидиана, в котором отражалось не лицо Беллы, а пульсирующая бездна.

Белла спустила ноги на ледяные доски пола. Подошвы привычно искали стоптанные войлочные туфли. Ей двадцать лет, и последние пятнадцать из них она официально мертва для остального мира. Бумаги о смерти при пожаре в сиротском приюте Святого Игната подписал лично мастер-следователь Воронов. Это спасло ей жизнь: никто не искал наследников, никто не претендовал на ее опеку. Вместо теплой приемной семьи она получила серый камень Гильдии расследователей, бесконечные коридоры архива, запах пыльной кожи, сургуча и формалина, а также право называть себя младшим регистратором третьего ранга.

Она встала, кутаясь в шерстяную шаль, и подошла к единственному предмету роскоши в ее комнате — высокому зеркалу в тусклой бронзовой раме, купленному по случаю на блошином рынке год назад. Зеркало нужно было ей для работы. Следователи приносили из полевых выходов странные предметы, которые нельзя было оставлять без присмотра даже в экранированных ящиках. Вчера капитан группы принес серебряный портсигар, который заставлял владельца видеть собственные похороны всякий раз, когда тот пытался закурить. Белла должна была фиксировать оптические искажения. Для этого требовалось смотреть на свои зрачки.

В мутном стекле отразилась худая, почти прозрачная девушка. Слишком бледная для той, кто проводит дни в архивах при керосиновых лампах. Темные волосы, которые она стягивала в строгий узел на затылке, сейчас растрепались во сне, выбившиеся пряди липли ко лбу. Но смотрели на нее не ее глаза.

Ее радужка всегда была обычного серого цвета, цвета мокрого асфальта после дождя. Сейчас же белки исчезли во все. Весь глаз заполнила непроницаемая, бархатная тьма. Не просто расширившийся до предела зрачок, нет — вся склера, вся роговица превратились в два провала в никуда, словно кто-то вырезал из ее головы настоящие глаза и вставил вместо них осколки вулканического стекла. В этой тьме не было бликов от слабой луны, пробивающейся сквозь окно. Она поглощала свет.

Белла прижала ладони к лицу. Кожа была ледяной, но прикосновение отозвалось тупой, фантомной болью в глазницах. Она моргнула. Раз, другой. Тяжелые веки смыкались со звуком, похожим на трение наждачной бумаги. Когда она открыла их снова, темнота чуть отступила, обнажив тонкую нитку прежнего серого цвета по самому краю радужки. Словно прилив схлынул, оставив на берегу влажный ил.

— Переутомление, — прошептала она своему отражению. Голос сел и звучал чужим карканьем. — Три ночи сводки по делу Резчика. Химический ожог сетчатки от реактивов в лаборатории. Недостаток жиров в диете. Все имеет логику.

Все объяснимо.

Гильдия вбивала в них эту мантру годами. Иррациональное убивает быстрее пули. Если ты видишь то, чего нет, выпей бромида и проспись. Если слышишь голоса — проверь трубы парового отопления. Мир состоит из материи, химии и рычагов. Магия — это плохо задокументированная физика, а призраки — утечки статического электричества.

Но холод продолжал идти по телу.

Он миновал горло, заморозив слюну во рту в горькую крошку. Спустился по плечам, сковав суставы. Добрался до локтей. Белла закатала рукав грубой холщовой сорочки. В лунном свете, падавшем из окна, ее предплечье выглядело как чертеж. Тонкие голубые реки вен под тонкой кожей. Обычно они едва заметно пульсировали. Теперь они тоже были неподвижны. И цвет. Жидкость внутри сосудов больше не была красной или даже синеватой. Она напоминала разбавленное молоко с каплей туши. Молочно-серый поток струился от запястья к сгибу локтя абсолютно ровно, без единого толчка.

Она коснулась вены пальцем. Ощущение было таким, будто она трогает стеклянную трубку, наполненную жидким льдом. Ни давления, ни ответного биения. Кровь остановилась, замененная чем-то инородным, что теперь выполняло функцию жизни в ее теле. Холод добрался до кончиков пальцев на ногах, и Белла поняла, что больше не дрожит. Дрожь — это попытка мышц согреться за счет трения. Ее мышцам

нечего было греть. Температура ее тела сравнилась с температурой воздуха в неотапливаемой камере.

Паника пришла тихая, рациональная паника исследователя. Мозг лихорадочно перебирал протоколы. Отравление солями тяжелых металлов? Симптомы схожи, но соли вызывают тремор и рвоту, а не полную гемостазию. Паразитическая инвазия? Некоторые виды болотных червей замещают кровь хозяина своим телом, но они оставляют следы проколов и гниение тканей. Здесь же кожа оставалась гладкой, лишь пугающе белой.

Белла отошла от зеркала. Шаг получился легким, почти невесомым. Отсутствие веса крови лишало тело привычной инерции. Она пересекла комнату, достала из-под половицы свой тайник. Там, завернутый в несколько слоев промасленной ткани от сырости, лежал он. Кожаный переплет размером с ладонь. Плотная бычья кожа, выдубленная особым образом — мастера Гильдии использовали такие переплеты для протоколов допросов одержимых, потому что обычная бумага впитывала эманации безумия и начинала тлеть. На обложке не было вытиснено ни названия, ни герба. Просто холодный, гладкий материал.

Она положила книгу на единственный шаткий стол, придвинула поближе медную лампу. Запахло разогретым маслом и керосином. Желтый язычок пламени затрепетал, отбрасывая на стены пляшущие тени. Белла глубоко вдохнула, пытаясь запустить этот чертов холод хоть куда-нибудь,

заставить его двигаться быстрее, чтобы почувствовать себя живой. Ничего.

Руки двигались сами. Левой она открыла дневник на чистой странице. Правой взяла самописку со стальным пером. Чернила в непроливайке тоже показались ей слишком густыми, тягучими, как смола.

Она начала писать. Почерк, выработанный годами корпения над неразборчивыми свидетельскими показаниями, был мелким, убористым, лишенным наклона. Сухим. Дата ставилась автоматически, левая часть мозга отсчитывала время независимо от того, что творилось с правой.

Двадцать третье октября. Ночь. Приблизительно ноль сорок пять.

Перо зависло над бумагой. Как классифицировать происходящее? Физиология? Психиатрия? Внешнее воздействие? Она выбрала нейтральное.

Субъект: В.Л. (архивный шифр «Миндальное дерево»). Место фиксации: жилое помещение 4-А, верхний ярус. Состояние среды: температура воздуха +12°C, влажность повышенная (конденсат на оконном стекле).

Первое отклонение: изменение оптической системы органов зрения. Радужная оболочка и склера полностью пигментированы в черный спектр (условный индекс Vantablack визуально, поглощение света стопроцентное). Фотобоязнь отсутствует. При попытке принудительного смыкания век возникает болевая реакция в ретробульбарной области

(ощущение давления изнутри черепа). Частичный регресс пигментации до естественного серого оттенка наблюдается по периферии радужки спустя три минуты интенсивного моргания. Гипотеза: спазм отводящих мышц или временная нестабильность клеточной структуры пигмента.

Белла остановилась. Слово «гипотеза» казалось смешным. Какая, к демонам Гильдии, гипотеза, если ее глаза стали провалами в преисподнюю? Но рука уже выводила следующее:

Второе отклонение: полная остановка системного кровообращения. Пульсация крупных и мелких артерий не пальпируется. Цвет циркулирующей жидкости изменен с красного (оксигенированный гемоглобин) на молочно-серый. Вязкость повышена. Скорость потока равномерная, ламинарная, не соответствует градиенту давления человеческого сердца. Терморегуляция тела нарушена. Внутренняя температура стремительно падает до уровня внешней среды. Субъективное ощущение: замена плазмы на насыщенный раствор коллоидной смеси низкой температуры. Проверка рефлексов: ахиллов рефлекс отсутствует. Вердикт: клиническая смерть по критериям кардиологии, сохранение высшей нервной деятельности и моторных функций. Требуется забор образца жидкости для лабораторного анализа. Образец взять невозможно ввиду отсутствия доступа к стерильным шприцам в ночное время.

Она поставила точку. Металл пера тихо звякнул о толстое

дно чернильницы. Белла перечитала написанное. Текст отчета успокаивал. Пока факты зафиксированы на бумаге, они остаются фактами. Они не принадлежат ей, они принадлежат документу. Документ можно передать комиссии, спрятать в сейф, сжечь в конце концов. Нельзя сжечь то, что течет по твоим венам.

Холод вдруг резко ударил в грудь. Не плавным спуском, а острой, кинжальной вспышкой прямо в миокард. Белла выгнулась, хватая ртом воздух, которого в легких почему-то не оказалось. Грудная клетка содрогнулась в беззвучном спазме. Лампа на столе дрогнула, огонек заметался, грозя погаснуть. Тени на стенах сошли с ума, вытянулись до потолка, сплелись в узловатые фигуры, похожие на те, что она видела во сне на Пепельной пустоши.

Когда спазм отпустил, она обнаружила, что сжимает край столешницы так, что побелели костяшки. А на коже левой руки, которой она опиралась на дневник, проступило нечто новое.

Это не было порезом или царапиной. Кожа осталась целой, гладкой. Но прямо поверх линий судьбы и жизни, всплывая из глубины эпидермиса, проявлялся рисунок. Тонкий, угольно-черный, ветвящийся узор, похожий на морозные цветы на зимнем стекле или на кровеносную систему мифического зверя. Рисунок пульсировал в такт тому внутреннему холоду — медленно, тяжело, ритмично.

Чернила. На ее коже проступали живые чернила.

Они начали с запястья, огибая место, где еще час назад прощупывался нормальный пульс. Тонкая веточка скользнула вверх по предплечью, разделяясь на более мелкие капилляры узора. Они не причиняли боли. Напротив, там, где проходил узор, кожу слегка покалывало, словно по ней водили кубиком льда. Белла завороженно смотрела, как черные линии достигают локтевого сгиба, ныряют под тонкую ткань рукава и устремляются к плечу. Процесс занял не больше десяти секунд, но для нее эта ночь давно потеряла счет времени.

Она занесла самописку над новой строкой. Рука больше не дрожала. Страх никуда не делся, он свернулся тяжелым комком внизу живота, но разум работал с пугающей ясностью хирурга, ампутирующего собственную ногу.

Третье отклонение: дерматологическое. Поверхностное проявление графических символов на эпидермисе. Локализация: дистальные отделы верхних конечностей. Глубина залегания пигмента: визуализируется на уровне дермы, целостность рогового слоя не нарушена. Геометрия рисунка фрактальная, напоминает дендритные структуры замерзшей воды или схемы коронарного кровоснабжения. Динамика: активная фаза проявления завершилась. Рисунок статичен, однако сохраняет температуру, отличную от температуры тела (субъективно около -5°C). Прикосновение к линиям вызывает эффект глубокой местной анестезии.

Белла отложила ручку. Вытерла испачканный в черных

чернилах палец о тряпицу. Посмотрела на свою левую руку. Теперь это была не рука двадцатилетней архивной крысы. Это была страница из древнего манускрипта, анатомический атлас неизвестного науке существа. Узор был красив холодной, геометрически совершенной красотой.

Она закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Внутри все оставалось спокойным. Тот, кто сидел в центре ее груди и гнал по сосудам ледяную взвесь, делал свою работу методично. Он не спешил убивать ее. Ему нужна была функционирующая оболочка.

Белла открыла глаза и снова посмотрела в темноту своего отражения в лакированном боку медной лампы. Из двух черных озер на нее взглянуло нечто. Оно знало, что она его видит. Оно наблюдало за ней через ее же зрительные нервы.

Девушка перевела взгляд на дневник. Первая страница была заполнена. Впереди оставалось еще сотни таких же чистых листов. Если она собирается выжить — хотя слово «выжить» теперь вряд ли применимо к процессу замены крови на свинец — ей придется записывать каждый вздох. Каждую почерневшую ресницу. Каждую новую линию, которая завтра может появиться на шее или лице.

Она сняла с шеи тонкий шнурок. На нем висел ключ от главного хранилища Гильдии — латунный, тяжелый, запрещенный к выносу за пределы охраняемого периметра. Белла носила его вопреки всем уставам, потому что именно она составляла описи изъятого. Иногда вещи просили, чтобы их

открыли. Этот ключ обжигал кожу даже сквозь одежду.

Сейчас он был ледяным.

Она сняла шнурок через голову и обмотала его вокруг запястья левой руки, прямо поверх проступившего черного узора. Холод металла идеально совпал с холодом татуировки. Ключ лег точно в центр сплетения линий, словно был частью этого рисунка, его недостающим фрагментом.

Белла заправила прядь волос за ухо. Завтра утром ей нужно быть в лаборатории. Нужно будет придумать предлог, чтобы попросить старшего алхимика сделать анализ вязкости... сыворотки. Нужно зайти к интенданту за новыми фитилями. Жизнь Гильдии продолжалась, скрипя старыми шестернями. Никто не должен заметить, что младший регистратор дышит паром, а в ее жилах замерзает вечность.

Она аккуратно промокнула страницу специальной прокладкой, чтобы свежая запись не смазалась. Закрыла кожаный переплет. Замок щелкнул тихо, но в тишине ночной камеры звук показался выстрелом.

Сон больше не придет. Тот, кто подарил ей эти кошмары, переселился внутрь и сам стал ее сновидением наяву. Белла задула лампу. Комната погрузилась в абсолютный мрак, но для девушки ничего не изменилось — ее глаза видели эту темноту одинаково ясно и днем, и ночью.

Она легла обратно на влажные простыни, сложила руки на груди поверх быстро стынущего тела и стала ждать рассвета. Первый день нового протокола начался.

Глава 1. Холодное утро

Утро в Гильдии расследователей начиналось не с пения птиц или звона колоколов ратуши, а с запаха мокрой шерсти и озона. Белла стояла у широкого стола из мореного дуба в утреннем зале распределения дел, механически натягивая плотные кожаные перчатки. Пальцы левой руки слушались плохо — чернильный узор под кожей за ночь расплзся выше, оплетая запястье плотной сеткой и стягивая сухожилия тугим корсетом. Ключ от хранилища на шнурке больно впивался в эту новую, чужеродную анатомию.

Мастер Воронов, чья борода напоминала старый растрепанный веник, тяжело оперся кулаками о столешницу. Перед ним лежала карта города, испещренная цветными булавками. Красные означали трупы, синие — пропавших без вести, желтые — спонтанные возгорания. — Район Трясин, сектор семь, — просипел Воронов, тыкая прокуренным пальцем в самую грязную часть карты, где река Извилистая впадала в старые канализационные коллекторы. — Нижний город. Стража подняла панику. Пропал ребенок. Мальчик, восемь лет. Играл во дворе доходного дома «Слепой голубь». Мать клялась, что отошла на минуту к колонке за водой. Вернулась — двора нет. То есть двор-то остался, а ребенка слизнуло.

Белла взяла со стола планшет с зажимом для бумаг.

Ее движения были выверенными до миллиметра. Никаких лишних жестов. — Заявление зарегистрировано как похищение? Или побег? — ровным голосом спросила она. Воронов хмыкнул так, что его тяжелые плечи затряслись. — Какое похищение, девочка? Это Нижний город. Там крысы размером с собаку, а туман по утрам такой густой, что им можно топить печи. Соседи говорят, слышали хлопок, похожий на разрываемый пергамент. Стражники уже списали это на болотный газ и собираются спускать воду из коллектора, чтобы смыть тело в реку. Но мать упертая, дошла до магистрата. Нам спустили директиву: осмотреть место, взять показания, закрыть дело за отсутствием состава преступления. Стандартно. Скучно. Идеально для регистратора твоего ранга.

Он бросил ей жетон временного доступа к муниципальной страже. Металл был еще теплым от его ладони, но когда Белла поймала его, ощущение тепла исчезло мгновенно. Жетон стал ледяным, обжигая ладонь даже сквозь перчатку.

— Выезд через пятнадцать минут. Фургон снабжения номер четыре. С тобой едет стажер Громов. Покажи ему, как пахнет настоящая грязь, пока он окончательно не протер штаны об архивные стулья, — Воронов махнул рукой, отпуская ее.

Белла коротко кивнула и вышла. В коридорах Гильдии всегда гуляли сквозняки, принося запахи то формалина из прозекторской, то старой бумаги, то озона из лаборатории

алхимиков. Но сегодня воздух изменился.

Она сделала первый шаг от стола распределений, и пространство вокруг нее дрогнуло. Это было похоже на то, как если бы кто-то плеснул в аквариум густые чернила. Воздух приобрел плотность. Она видела, как луч света из высокого стрельчатого окна прорезает зал, но теперь этот луч был видимым — золотистая, медленно оседающая взвесь пыли, которая падала слишком медленно, преодолевая сопротивление невидимой патоки.

Звуки отдалились. Гул голосов других следователей, скрип телег во внутреннем дворе, звон посуды с кухни — все это превратилось в глухой, низкий рокот, словно ее голову накрыли толстым ватным одеялом. Она слышала только собственное дыхание — тяжелое, влажное, выходящее изо рта облачками пара, хотя в здании поддерживалась комфортная температура.

Тяжесть опустилась на плечи не метафорически. Физический вес тьмы внутри грудной клетки удвоился. Тот холодный ком, что заменил ей сердце, вдруг начал пульсировать. Не вверх-вниз, как мышечный орган, а внутрь-наружу, пытаюсь втянуть окружающее пространство в свою бесконечную пустоту. Каждый удар этого темного сердца отдавался тупой болью в основании черепа.

«Дыши протоколом», — мысленно приказала себе Белла. Она остановилась у стены, делая вид, что поправляет застежку на ботинке. *Объект фиксации: изменение плотно-*

сти атмосферы. Локализация: внутренний периметр Гильдии, коридор Б. Симптомы: замедление гравитационного осаждения микрочастиц (пыль), акустическая фильтрация частот выше 500 Гц, субъективное повышение атмосферного давления на 1.2–1.5 атмосферы. Причина: неизвестна. Корреляция с эмоциональным состоянием...

Она оборвала мысль. Эмоциональное состояние сейчас сожрет ее заживо, если дать ему волю. Страх перед заданием, липкий ужас от того, что происходит с ее телом, злость на Воронова, отправившего девчонку одну в самое гнилье Нижнего города. Тьма питалась этим. Чем сильнее билось ее человеческое сердце в приступе паники, тем шире раскрывалась воронка холода в груди.

Белла заставила себя выпрямиться. Натянула глубокий капюшон плаща из плотной саржи, скрыв лицо в тени, и пошла к выходу.

Фургон снабжения вонял дегтем, прелой соломой и дешевым табаком. Стажер Громов сидел на жесткой скамье, сжимая папку с бланками так, будто это спасательный круг. Он был бледен той специфической бледностью выпускников Академии, которые впервые выезжают дальше рыночной площади. — Говорят, в Трясилах чума ходит, — пробормотал он, когда фургон тряхнуло на брусчатке Внешнего кольца. — Настоящая, легочная. И утопленники по ночам бродят. — Утопленники бродят только в дешевых брошюрах

для простаков, — отрезала Белла, глядя в маленькое забрызганное окно. — А чумы там нет. Есть туберкулез, сифилис и голодный тиф. Записывай симптомы правильно, Громов. Медицина любит точность.

Стажер обиженно засопел, но карандаш взял.

Город за окном стремительно менялся. Величественные шпили Верхнего кольца остались позади. Начались серые кварталы Среднего города, закопченные дымом мануфактур. А затем фургон нырнул вниз, в лабиринт Трясин.

Здесь правила бал сырость. Дома жались друг к другу, нависая над узкими улочками вторыми и третьими этажами так плотно, что неба почти не было видно. Дерево стен прогнило насквозь, покрытое черной слизью грибка. Канализационные решетки зияли провалами, источая миазмы человеческих отходов и стоялой воды.

Но Белла смотрела не на архитектуру распада. Она смотрела на свет.

Обычный солнечный день здесь выглядел иначе. Свет с трудом пробивался сквозь клочья вечного тумана, приобретая болезненный, желтушный оттенок. Но сейчас этот свет буквально *ломался*. Лучи огибали углы зданий, искривлялись, стекая по водосточным трубам, как густая смола. Там, куда они попадали, тени становились неправдоподобно глубокими. Чернильно-черными дырами в реальности.

И одна из этих теней отделилась от стены.

Это произошло, когда они пересекали Горбатый мост над

бурным потоком Извилистой. Фургон остановился — дорогу перегородила телега угольщика. Белла открыла дверь, чтобы выйти и размять ноги. Холод тут же впился в горло тысячей игл.

Она ступила на мокрую брусчатку. Под ногами чавкала смесь грязи, конского навоза и какой-то химической дряни, которую местные использовали для выделки кожи. Громов неуклюже выпрыгнул следом, едва не поскользнувшись.

— Регистратор Белла? — окликнул ее сержант городской стражи, огромный детина с красным лицом и ржавой кирасой. — Наконец-то. Мать мальчика рвет и мечет в участке. Мы думали, гильдейские вообще не явятся. — Где точка исчезновения? — Белла проигнорировала его тон, доставая планшет. — Да вот же двор, — стражник ткнул пальцем в сторону арки, ведущей в тесный колодец между домами. — Как раз напротив нас.

Белла повернула голову. И замерла.

Громов что-то говорил сержанту, тот отвечал басом, перекрикивая шум реки. Но для Беллы их голоса звучали как сквозь толщу океанской воды. Потому что прямо за спиной сержанта, припав к земле длинным, бесформенным силуэтом, сидело *оно*.

Оно не имело четких очертаний. Если долго смотреть на край тени от фонарного столба, иногда кажется, что она шевельнулась сама по себе. Здесь же эта иллюзия стала материальной. Сгусток абсолютной темноты, примерно полтора

метра в длину, формой напоминающий раздавленную лягушку или пролитую лужу мазута. У него не было глаз, пасти или конечностей. Только текучая, маслянистая поверхность, которая постоянно находилась в движении, собираясь в складки и снова разглаживаясь.

Оно просто висело в воздухе в полуметре над землей, игнорируя законы гравитации, и смотрело на нее. Хотя смотреть ему было нечем. Белла чувствовала этот взгляд всей поверхностью своей новой, холодной крови. Взгляд был оценивающим. Словно мясник примерялся к туше.

— Ты чего побледнела? — Громов дернул ее за рукав. — Плохо стало? Давай я сам зайду, возьму первичные... — Молчать, — тихо, но с такой силой произнесла Белла, что стажер отшатнулся. — Всем молчать. Отойти от арки. На три шага назад. Медленно.

Стражники переглянулись. Сумасшедшая девка из Гильдии. Такое случалось часто, работа нервная. — Дамочка, там просто темно, — добродушно пророкотал сержант. — Хотите факел? — Я сказала, назад! — рывкнула Белла, вытаскивая из-под плаща латунную печать инспектора. — Нарушение протокола осмотра места происшествия. Три шага назад. Живо!

Ее голос сорвался на высокой ноте. От усилия внутри что-то хрустнуло. Холод в груди ответил резким спазмом, прокатившимся по всему телу. Чернильный узор на руке вспыхнул острой болью.

И реальность послушалась.

Воздух, который и так казался вязким, превратился в бетон. Звук обрезало полностью. Белла увидела, как рот открывающегося сержанта застыл в беззвучном крике. Капли мелкого дождя, начавшего сыпаться с неба, зависли в воздухе идеальной геометрической сеткой. Время встало.

А тень пришла в движение.

Она перетекла расстояние от арки до застывшего стражника за долю секунды, не потревожив ни одной висящей капли. Маслянистый силуэт скользнул по спине сержанта. Там, где касалась эта тьма, грубая шерсть его форменного плаща начала истлевать, превращаясь в пепел, не успев коснуться земли. Кожа под ней почернела и ссохлась, обнажая желтоватую кость ребра. Сержант не мог кричать — его диафрагма была скована остановившимся временем, — но его глаза вылезли из орбит от невыразимой муки.

Тень впитывала его жизнь. Втягивала тепло, материю, самую суть человеческого существования в свой бесформенный объем. Сержант иссыхал на глазах, превращаясь в мумию, а пятно тьмы становилось чуть более плотным, обретая легкий глянцевый блеск.

Белла поняла главное: никто этого не видит. Для Громова, для второго стражника, для угольщика на телеге впереди — сержант просто стоял, отвернувшись к стене. Обычная пауза в разговоре. Мозг людей отказывался обрабатывать визуальную информацию, которая ломала базовую логику ми-

ра. Они видели лишь то, что ожидали увидеть: скучающего офицера.

Но она видела всё. И тьма внутри нее отозвалась на родственную сущность голодным урчанием. Холод в груди раскрыл челюсти и попытался *выпить* эту тень. Две бездны потянулись друг к другу.

Белла сжала зубы до хруста. Она занесла руку, сжатую в кулак, на котором чернильные линии сложились в хищный узор когтей, и ударила печатью инспектора по собственной ладони. Боль была мгновенной, острой и абсолютно реальной. Нейронный шок прошил позвоночник.

Холод отступил, затаившись. Вязкость времени лопнула.

Звук обрушился лавиной. Заревел младенец в окне третьего этажа, заржала лошадь, с плеском рухнули в грязь наконец-то долетевшие капли дождя. Сержант пошатнулся, хватаясь за стену, совершенно живой, здоровый, разве что смертельно бледный. Он ничего не помнил. Его мозг заполнил паузу воспоминанием о том, как он собирался поплотнее завязать шарф.

— Что это было? — выдохнул Громов, хватая ртом воздух. — Мне показалось... показалось, что дядька Игнат сейчас рассыпется. — Аллергия на местную пыльцу, — бросила Белла, пряча дрожащую руку обратно в перчатку. Голосовые связки саднили, как после часа крика. — За мной. Держаться строго в двух шагах сзади. Ничего не трогать. Ничего не говорить без приказа.

Она шагнула под своды арки, входя во двор «Слепого голубя». Тень последовала за ней.

Теперь она знала, что оно там. Оно больше не пряталось по углам. Оно плыло за ее левым плечом, держась точно на границе периферического зрения. Когда Белла поворачивала голову, пятно тьмы элегантно смещалось, оставаясь невидимым, но неизменно присутствующим. Оно приклеилось к ней, как репейник.

Двор встретил их запахом мочи и кислой капусты. Бельевые веревки, провисшие под тяжестью вечно сырых тряпок, создавали хаотичный лабиринт. Земля под ногами состояла из утоптанной глины, смешанной с толченым кирпичом.

Белла прошла в центр двора, туда, где на глине виднелись свежие царапины от детских башмаков. Рядом валялась деревянная лошадка на колесиках. Самая обычная игрушка, стершаяся до блеска от сотен маленьких рук.

Она присела на корточки. Колени протестующе шелкнули. Протокол требовал начать с центра, двигаться по расширяющейся спирали, фиксируя любые аномалии.

— Следы волочения? — спросил за спиной Громов. Он старался быть полезным, но его голос предательски дрожал. — Нет, — ответила Белла.

Она смотрела на землю. Вокруг места, где играла игрушка, глина была сухой и твердой, покрытой сеткой мелких трещин. Но ровно в радиусе тридцати сантиметров от деревянной лошадки грунт изменил структуру. Он блестел. Тонкая

корочка льда покрывала глину, уходя вглубь на несколько дюймов. Лед был идеально прозрачным, и сквозь него, глубоко внизу, виднелись темные пятна — замерзшая лужица чего-то темного. Кровь? Нефтепродукт?

Белла осторожно коснулась льда пальцем в перчатке. Холод обжег даже сквозь толстую кожу. Этот холод был другим. Если ее собственный холод был мертвенным, металлическим, то этот лед нес в себе эхо чистого ужаса. Агония кристаллизовалась в молекулярной решетке воды.

— Громов, — позвала она, не оборачиваясь. — Достань контейнер для образцов. Номер пять. Осторожно сколите кусок по периметру. Не дышите на него. — Есть, — стажер полез в сумку.

Белла закрыла глаза, позволяя своему новому зрению поработать. Она сняла фильтры обычного человеческого восприятия. Мир расслоился. Тепловые следы ушли в инфракрасный спектр — остывающий след тела ребенка тянулся яркой полосой к северной стене двора. Акустические отпечатки — звук детского смеха, внезапный всхлип, резкий порыв ветра — висели в воздухе радужными мыльными пузырями. А поверх всего этого, пронизывая слои реальности, шли черные нити.

Они росли прямо из земли, из тех самых пятен замерзшей темноты под льдом. Толщиной с волос, они сплетались в сложную сеть, поднимались по стенам домов, уходили в небо. Это была кровеносная система самой Трясины. И в са-

мом центре этой сети, прямо над головой Беллы, пульсировал черный узел. Источник.

Она открыла глаза. Посмотрела вверх. Прямо над двором, зацепившись за перекрестье бельевого веревка, висел клубок абсолютной тьмы размером с хорошую тыкву. Он ритмично сокращался, как медуза, прокачивая сквозь себя потоки черного эфира. Именно оттуда, из этого узла, тянулась единственная, самая толстая нить. Она заканчивалась на деревянной лошадке.

Игрушка была наживкой. Или дверью.

— Белла, посмотрите, — сдавленно прохрипел Громов.

Она перевела взгляд на свои руки. Пока она сканировала местность, чернильный узор активизировался. Линии на коже стали глубже, рельефнее. Они набухли, приподняв эпидермис. И теперь от них исходило легкое, видимое невооруженным глазом марево. Тьма сочилась из ее пор, как испарина. Она опускалась к земле и жадно впитывалась в те самые черные нити, идущие из-под ног. Узор на ее теле служил насосом. Антенной. Приемником.

Тень за ее плечом качнулась вперед. Она хотела подойти ближе к ледяному кругу. Хотела дотронуться до игрушки. Белла резко вскинула левую руку открытой ладонью вперед. — Стоять.

Стажер замер. Но команда предназначалась не ему.

Маслянистое пятно тьмы за ее спиной издало звук. Впервые. Это не был рык или вой. Это был звук вытягиваемого из

ковра гвоздя — долгий, мерзкий визг рвущейся ткани мироздания. Тень метнулась вбок, обогнув Беллу по широкой дуге, и впечаталась в стену дома. Кирпич в месте удара пошел трещинами и осыпался трухой. Тень явно была недовольна приказом.

— Кто ты? — спросила Белла шепотом, зная, что существо услышит. Ее собственные глаза в тени капюшона снова начали затягиваться бархатной чернотой. — Чего тебе нужно?

Тень не ответила словами. Вместо этого она указала своим текучим краем на северную стену. Там, среди слоев старых афиш и облупившейся штукатурки, открылся проход. Кирпичи просто растворились, образовав идеальный полукруглый свод высотой в человеческий рост. Из пролома веяло таким холодом, что пар изо рта Беллы мгновенно обратился в иней на ее ресницах. Внутри была абсолютная, непроницаемая мгла. Даже ее новое зрение упиралось в эту темноту, как в глухую стену. Это была утроба самого Нижнего мира.

След ребенка вел именно туда.

— Громов, — Белла поднялась, отряхивая колени. Руки больше не дрожали. Теперь, когда рядом была полноценная, взрослая тьма, ее собственная частичная трансформация казалась почти нормой. — Оставайся здесь. Охраняй образец. Если увидишь, что кто-то из местных подходит к двору ближе чем на десять метров — бей дубинкой по голове, потом

будешь писать отчеты. Доступно? — Так точно, — сглотнул стажер, судорожно цепляясь за ремень сумки. Он смотрел на нее с ужасом и каким-то нездоровым благоговением. Кажется, он только сейчас понял, что регистраторы Гильдии — это не просто люди с папками.

Белла достала из внутреннего кармана плаща химический источник света. Хрустнула ампула. Зеленоватое, ядовитое свечение химического стержня разогнало обычный сумрак двора, но бессильно разбилось о черноту прохода.

Она шагнула внутрь.

Переход занял одно биение ее холодного сердца. Снаружи шел дождь, кричали торговки рыбой и плакали дети. Здесь же царила тишина, которую нарушал только звук падающих капель. Но эти капли падали снизу вверх, ударяясь о невидимый потолок и рассыпаясь в сухую пыль.

Свет химического стержня освещал винтовую лестницу, вырубленную прямо в камне. Стены были покрыты не мхом, а шевелящимся ковром из тонких черных нитей — тех самых, что она видела сверху. Они пульсировали, дышали, и каждый вдох этой лестницы отзывался всасывающим звуком. Пол под ногами был гладким, отполированным миллионами шагов. Шагов босых ног.

Запах изменился. Исчезла вонь выгребных ям. Появился запах озона, старого железа и сладковатый, тошнотворный аромат гниющих цветов.

Белла начала спуск. С каждым шагом давление возраста-

ло. Казалось, многокилометровая толща океана давит на макушку. Темная кровь в ее венах отозвалась радостным гулом — здесь, внизу, среда обитания соответствовала ее новой природе. Ей было *легко* дышать этим тяжелым воздухом.

Тень следовала за ней неотступно. Теперь она не пряталась. Она просто стала частью окружающей темноты, слившись с ней, но Белла ощущала ее присутствие как направленный луч прожектора. Существо охраняло ее. Или наблюдало за тем, чтобы она не свернула с пути.

Лестница закончилась широким гротом. Свет химического стержня выхватывал из мрака колоссальные размеры помещения. Потолок терялся в высоте, опираясь на сталагмиты, которые подозрительно напоминали окаменевшие человеческие кости. По стенам бежали ручьи густой, фосфоресцирующей жидкости бирюзового цвета. И повсюду стояли Дети.

Сначала Белле показалось, что это статуи. Ряд за рядом, тысячи фигур, высеченных из соли или известняка. Мужчины, женщины, старики. Все они смотрели в центр грота. Их лица искажала последняя стадия экстаза или невыразимого страдания — грань между этими эмоциями оказалась слишком тонкой.

Белла подошла ближе, посветив на ближайшую фигуру. Провела пальцем в перчатке по щеке изваяния. Палец окрасился в белый порошок. Это была не соль. Это был кальцинированный страх. Концентрированный ужас, доведенный

до точки фазового перехода, когда эмоции становятся твердым телом. Эти люди не умерли в привычном смысле. Их высушили, выжали досуха, оставив лишь совершенные облоочки, хранящие слепок их последней мысли.

— Боже мой... — выдохнула Белла. Контроль дал трещину. Церковное ругательство вырвалось само собой.

В дальнем конце грота, на возвышении из переплетенных черных корней, стоял трон. И на троне сидел Резчик.

Он не был человеком. Он не был даже существом из плоти. Это был антропоморфный сгусток той самой разумной тьмы, гораздо более плотный и структурированный, чем та тварь, что преследовала Беллу во дворе. Ростом он превышал два метра. Вместо головы — сложный механизм из вращающихся обсидиановых колец. В центре колец горел один вертикальный фиолетовый зрачок, не мигая смотрящий на вошедшую.

Его руки — если их можно было назвать руками — оканчивались длинными лезвиями из живого мрака. Одним движением пальца он мог вырезать душу из тела, превратив ее в соляную куклу для своей коллекции.

Рядом с троном, привязанная к корню толстыми нитями тьмы, сидела маленькая фигурка. Мальчик. Живой. Он мелко дрожал, но не плакал. Его глаза были открыты и пусты — он находился в глубоком шоке.

Резчик медленно повернул свои кольца-головы. Движение издавало звук шлифующегося стекла. — Архивный реги-

стратор, — прозвучало сразу отовсюду. Голос не имел громкости, он вибрировал напрямую в костях черепа. — Интересная конфигурация. Ты носишь мою субстанцию, но сопротивляешься интеграции. Почему?

Белла выставила перед собой химический стержень, как распятие. Зеленый свет отчаянно боролся с фиолетовым сиянием трона. — Я здесь по долгу службы, — голос прозвучал удивительно твердо. — Ребенок принадлежит Верхнему миру. Ты нарушил Договор Границ.

Резчик издал звук, похожий на смех пересыпаемого песка. — Договор? Маленькая глупая личинка. Ваш «Верхний мир» держится на нашей боли. Каждая ваша радость оплачена литром отчаяния, слитого сюда, в отстойник. Я не нарушил договор. Я просто пришел забрать отработанную деталь. — Кольца остановились, фокусируясь на лице Беллы. — А заодно посмотреть на тебя. Эксперимент Гильдии вышел из-под контроля, да? Они пытались создать идеального свидетеля. Того, кто может видеть истинную природу вещей. Но сосуд оказался слишком хрупким. Твоя человеческая форма трескается, регистратор. Скоро ты станешь одной из моих статуй. Только твоя агония будет намного изящнее, ведь ты будешь осознавать каждое мгновение распада.

Чернильный узор на руке Беллы взорвался болью. Линии поползли вверх по шее, обвивая кадык. Холод внутри рванулся навстречу голосу Резчика, желая поклониться, признать хозяина.

Собрав остатки воли, Белла сделала шаг вперед. — Я не твой сосуд, — процедила она. — Я — документ. А документы имеют свойство храниться вечно.

Она швырнула химический стержень в основание трона. Зеленая вспышка осветила грот на доли секунды. Но Белле хватило этого времени. Она упала на колени, погрузив пальцы в пол. Те самые черные нити, которыми кишел камень, обожгли ее кожу кислотой, но она продолжала копать, погружая руку все глубже, ища стыки.

Резчик взревел. Кольца на его голове завращались с бешеной скоростью, создавая вихрь, втягивающий воздух. Беллу начало поднимать над полом. Одежда затрещала. Мальчик у трона слабо вскрикнул.

Белла нащупала стык. Древнюю руну, выбитую в фундаменте Нижних путей задолго до появления первого человека. Руна Замыкания. Она ударила по ней чернильной ладонью.

Пространство содрогнулось. Нити тьмы, связывающие Беллу с Резчиком, вспыхнули и сгорели. Боль была адской — казалось, с нее живьем сдирают нервную систему. Но вместе с болью пришло освобождение. Холод в груди перестал быть чужим. Он стал ее собственным. Управляемым.

Вихрь прекратился. Белла рухнула на камни, глотая воздух. Резчик замер. Его кольца сбились с ритма. Он посмотрел на свою руку-лезвие, которой хотел вспороть воздух, и увидел, что она начинает крошиться. Сквозь весь грот, от

входа до трона, прошла волна. Черные корни на стенах скужились. Бирюзовые ручки высохли. Твердый страх статуи треснул, покрываясь сетью глубоких разломов.

Кто-то снаружи, наверху, разорвал ткань реальности. Гильдия задействовала главный контур подавления.

— Забери щенка, — прошипел Резчик, разваливаясь на куски осыпающейся тьмы. — Но мы еще встретимся. Твой ключ уже повернут в замке. Обратного хода нет.

Он осыпался ворохом черного снега, не оставив после себя даже запаха. Только абсолютную пустоту.

Белла ползком добралась до мальчика. Разрезала пути кинжалом. Ребенок был легким, как птичка, и горячим — контраст с температурой Беллы был пугающим. Она взвалила его на плечо. Вес человеческой жизни показался ей чудовищно тяжелым после легкости подземелья.

Подъем по лестнице занял вечность. Когда она вывалилась обратно во двор, солнце — настоящее, желтое солнце Верхнего мира — ударило по глазам физической пощечиной. Громов бросился к ней, подхватывая ребенка.

— Господи боже, что с вами? Ваше лицо... — ахнул старжер.

Белла провела рукой по лицу, готовясь почувствовать запекшуюся кровь или чешую. На ощупь кожа была гладкой. Но когда она вытащила из-за пазухи чудом сохранившееся карманное зеркальце в серебряной оправе, то уставилась в него, не узнавая себя.

Из зеркала на нее смотрела женщина с глазами цвета грозовой тучи. Серыми, как и прежде, но в самой глубине зрачка теперь навсегда поселился отблеск фиолетового огня. А чернильный узор... Он больше не прятался под кожей. Он стал ее кожей. Левая половина лица представляла собой изысканное кружево татуировки, переливающееся металлом в дневном свете. Рисунок не был уродливым шрамом. Он был идеальным чертежом чужой, нечеловеческой красоты.

Белла захлопнула зеркало и убрала его в карман. — Стабильный шок, — бросила она оцепеневшему Громову. — Несем его к медикам. Быстро. И вызови экипаж. Мой рабочий день закончился. Мне нужно внести изменения в реестр собственного организма. До того, как придет следующая тень.

Она развернулась и пошла к воротам, ведущим из Трясин прочь. Бесформенная тень, ее новый спутник, соскользнула со стены дома и покорно поползла за ней по грязной брусчатке, ластясь к сапогам своего нового проводника.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.